

DOI:10.33065/978-5-907216-08-2-2021-201-203

ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ РЕГИОНОВ РОССИИ В 2010–2016 ГГ.

Ростислав Кирилл Владимирович

аспирант географического факультета Московского государственного университета им. Ломоносова; младший научный сотрудник института отраслевых рынков и инфраструктуры Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва

Аннотация. В статье дается оценка общей производительности хозяйства субъектов Российской Федерации и страны в целом. Показывается влияние пересмотра Росстатом методики оценки затрат труда – отработанных за год человеко-часов на всех видах работ. Приводится разбивка различий в уровне производительности на составные части, в частности на эффективность сочетания труда и капитала. Показано, что из-за убыли производительности в ключевых региональных производителях, страна в 2010–2016 гг. потеряла от 1 до 6 трлн р. в ценах 2012 г.

Ключевые слова: СФП, производительность, эффективность, экономический рост, регионы.

PRODUCTIVITY OF RUSSIAN REGIONS IN 2010–2016

Rostislav Kirill Vladimirovich

postgraduate student at Lomonosov Moscow State University, Faculty of Geography; junior researcher at RANEPA, Institute of Industrial Markets and Infrastructure; Moscow

Abstract. The article estimates the overall productivity of the economy of Russian regions and the whole country. The article shows the impact of the revision by the Rosstat its methodology for estimating labor input – annual man-hours worked on all jobs. The decomposition of differences in the level of productivity into components, including the efficiency of the combination of labor and capital, is given. It is shown that due to the decline in productivity in key producing regions the country lost from 1 to 6 trillion 2012 roubles in 2010–2016.

Keywords: TFP, productivity, efficiency, economic growth, regions.

Почему одни страны богаче других? Или почему где-то экономический рост быстрее, а где-то медленнее? Разные оценки показали, что такие различия объясняются не затратами труда или лучшей его фондовооруженностью, а разной общей производительностью, с которой в разных странах используют труд и капитал. Различия между затратами и производительностью как источниками больших доходов в том, что производительность дает даровую прибавку – «экономия издержек в постоянных ценах» [1]. Напротив, большие затраты труда означают

меньше времени на отдых или больше усилий, а для накопления капитала нужно сберегать часть доходов и отказываться от потребления здесь и сейчас. Кроме того, считается, что поддерживать темпа экономического роста на большом отрезке времени одними всё большими затратами крайне сложно.

С прикладной точки зрения росту производительности или затрат благоприятствуют разные политические меры. Производительность обычно связывали с техническим прогрессом, что не совсем верно, так как расходы на R&D учитываются в оценках затрат труда и капитала. Производительность схватывает скорее внешние выгоды вроде выгод сосредоточения или сетевых эффектов, а также неучтенные затраты, такие как истощение природных ресурсов или изменения в качестве труда (человеческом капитале). В общем случае индекс производительности можно разделить на сдвиг самой границы производственных возможностей и на движение к ней или от нее – изменение в эффективности. Если оценки показывают, что регион на границе производственных возможностей, то удачная мера поддержки – поощрение инноваций. С другой стороны, если дело в отставании региона от передовиков на границе производственных возможностей, то есть если экономика региона менее эффективна чем экономика других регионов, предпочтительные политические меры – это способствование обмену знаниями, учению у более успешных производителей, в частности ослабление патентного надзора. У изменений в эффективности тоже могут быть разные источники. Пример – эффект масштаба или экономия от замены одного вида затрат другим, например труда на капитал (эффективность сочетания затрат). Если неэффективность возникает из-за этого, государству следует сосредоточиться на обеспечении конкурентности рынков и ценовой политике (например, соотношении налогов на труд и капитал/имущество).

Различия между субъектами Федерации в производительности я измерил индексом Фере – Примона. Этот индекс представляет производительность как отношение агрегатов выпуска и затрат. Благодаря этому индекс удовлетворяет требованиям к индексу из теории индексов. Так, индекс Фере – Примона транзитивный: сравнить две единицы (субъекта Федерации) можно и напрямую, и через третью единицу – результат не изменится. Это качество особенно ценно при географических сравнениях, когда не обойтись одними парными сравнениями, как для смежных лет [2].

Затраты состояли из отработанных за год на всех видах работ человеко-часов и среднегодового наличия основных фондов в ценах 2012 г. Выпуск измерялся ВРП в ценах 2012 г. Выбор базового года из середины, а не с края доступного временного отрезка объясняется меньшей ошибкой округления при сцеплении индексов.

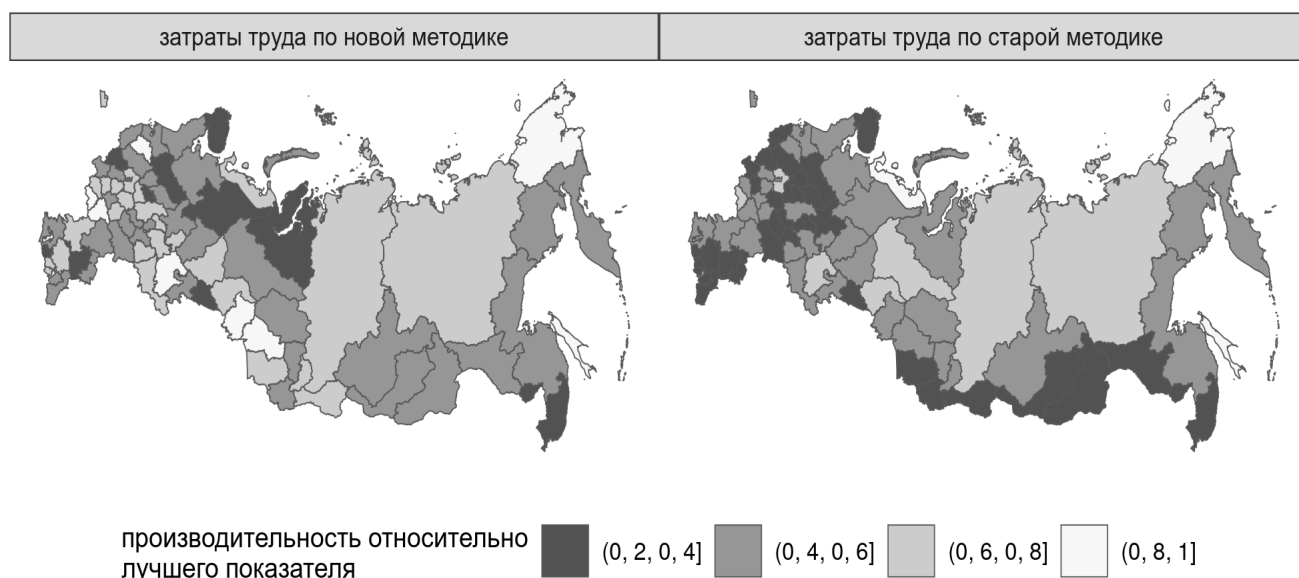

Рис. 1. Производительность субъектов Федерации в 2016 г. сравнительно с лучшим показателем того года: оценки по разным мерам затрат труда.

Таблицы о затратах труда и наличии основных фондов взяты из ЕМИСС. Ряды по затратам труда в ЕМИСС охватывают только 2011–2016 гг. Ряд по затратам труда я продлил до 2005 г. по индексу производительности, который оценивают как отношение индекса ВРП и индекса затрат труда. В 2016 г. Росстат перешел на новую методику оценки затрат труда. Так, если до 2015 г. по старой методике в Москве оценка затрат труда была меньше 13 млрд чел.-ч, то в 2016 г. по новой методике – больше 17 млрд. В 2020 г. Росстат продлил оценки затрат труда по новой методике до 2010 г. Ряды по основным фондам в среднегодовых ценах охватывают 2008–2016 гг. Ряд объема основных фондов мы получили через условный дефлятор – отношение наличия на начало года t в среднегодовых ценах года t к наличию на конец года $t-1$ в среднегодовых ценах года $t-1$.

Если брать ряд оценок затрат по старой методике, то в 2010 г. границу производственных возможностей определял Ненецкий автономный округ, а с 2011 г. – Сахалинская обл. Оба субъекта Федерации – районы освоения новых месторождений нефти и природного газа, рента от разработки которых и объясняет исключительно высокую оценку производительности. Если судить по новым оценкам затрат труда за 2010–2016 гг., то в 2010–2011 гг. впереди всех была Сахалинская обл., затем Санкт-Петербург, Тюменская обл. без авт. округов и с 2014 г. Башкирия. При этом с 2011 г. лучший показатель ежегодно уменьшался.

При оценке затрат по старой методике худшие показатели у Ивановской обл. и Карачаево-Черкесской Республики. Переоценка труда подняла Ивановскую обл. выше Мурманской и Вологодской, а также Приморского края. Переоценка ожидаемо ухудшила показатель Москвы, ведь именно в Москве дополнительно учли самые большие затраты труда. С другой стороны, среди регионов страны резко улучшились места областей Центральной России, а также Омской и Новосибирской обл. (рис. 1). Более того, распределение оценок по новым мерам затрат труда симметричное во все годы, в то время как согласно оценкам по старым мерам труда в

большей части регионов одинаково низкие показатели.

Причины различий в производительности показывает разложение относительных показателей на составные части. Из рис. 2 видно, что старые оценки недооценивали эффективность сочетания затрат труда и капитала, но после пересмотра количества отработанных человеко-часов распределение по субъектам Федерации выглядит более эффективным. Но даже при новой мере труда среди других регионов неудачным сочетанием труда и капитала выделяется Ямало-Ненецкий авт. округ. Оценки по старой мере труда указывали на такую неэффективность сочетания в областях Центральной России, но после пересмотра оценок неэффективность исчезла. Похоже, Росстату удалось перераспределить в Москву и др. места ранее казавшийся избыточным для своих регионов труд. Обе оценки согласны в том, что большая часть субъектов Федерации были эффективны с точки зрения масштаба их экономики, но отставали прежде всего из-за чистой технической эффективности, причем этот показатель возможности навёрстывания с 2012 г. в среднем стоял на месте.

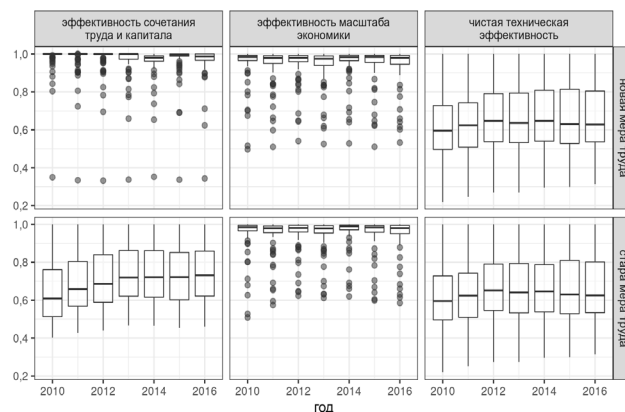

Рис. 2. Распределение источников неэффективности субъектов Федерации по годам: оценки до и после актуализации Росстатом методики расчета затрат труда.

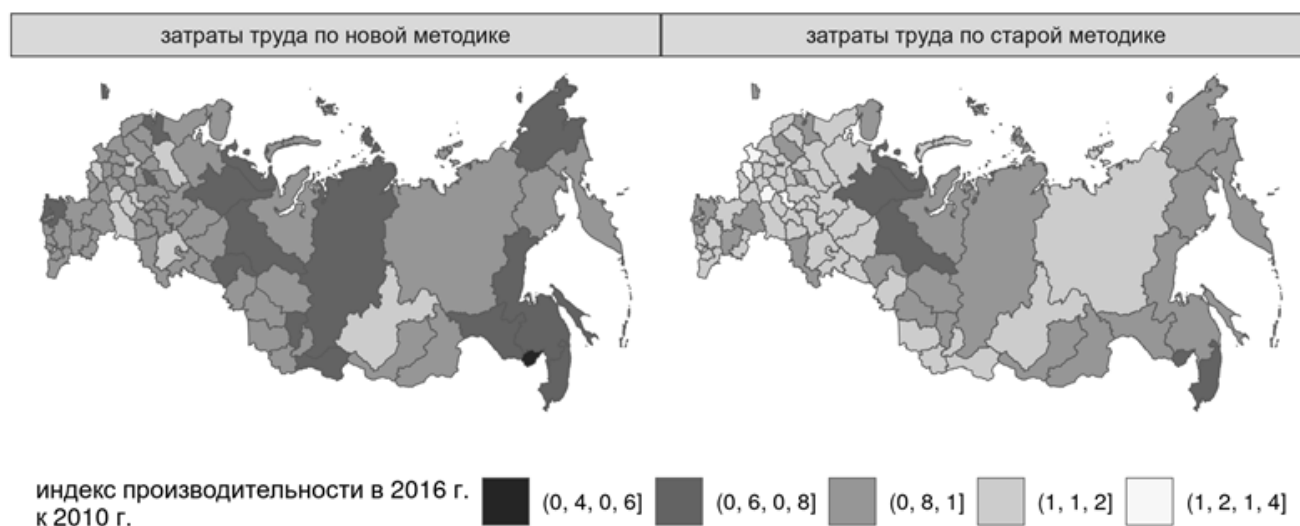

Рис. 3. Различия в оценке изменений производительности в разрезе субъектов Федерации в зависимости от меры затрат труда: до и после актуализации.

Понятие об общей динамике производительности хозяйства субъектов Российской Федерации дает рис. 3. Оценки по новым данным рисуют более пессимистичную картину. Обе оценки согласны в том, что общая производительность убывала в нефтяных Ханты-Мансийском и Ненецком автономном округах, на Дальнем Востоке, а также в двух столицах. Различие между новой и старой мерой затрат труда влияет прежде всего на состав субъектов Федерации с лучшим ростом производительности. Так, только оценка по новым данным указывает на рост в Московской, Саратовской и Пензенской обл. Обе оценки признают прогресс в Башкирии, Мордовии, Тамбовской, Курской и Иркутской обл. Примечательно, что среди регионов с лучшими показателями в отдельные годы только в Башкирии выросла производительность.

Региональные различия сами по себе не сообщают, каким был итог изменений в производительности для страны в целом, ведь у субъектов Федерации разный экономический вес. В целом за 2010–2016 гг. страна в ценах 2012 г. от изменений производительности потеряла: ок. 1 трлн р., если верить старым оценкам затрат труда, или более 5,8 трлн р., если верны оценки затрат труда по актуализированной Росстатом методике. Причина таких потерь – убыль производительности в субъектах Федерации, где сосредоточен выпуск страны: ее столицах и сырьевых регионах.

Список литературы:

1. Harberger A. C. A Vision of the Growth Process // Am. Econ. Rev. 1998. Vol. 88, № 1. P. 1–32.
2. O'Donnell C. J. Economic Estimation of Distance Functions and Associated Measures of Productivity and Efficiency Change. Brisbane, 2011. 25 p. – [Centre for Efficiency and Productivity Analysis, School of Economics, The University of Queensland: Working Paper Series, № WP01/2011].